

Татьяна Стамова

Фруссарайное
путешествие

Татьяна Юрьевна Стамова

Кругосарайное путешествие

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23054659

Кругосарайное путешествие: рассказы / Художник – Юлия Сиднева:

Издательство Кетлеров; Москва; 2016

ISBN 978-5-906097-14-9

Аннотация

«Кругосарайное путешествие» – это книга рассказов замечательной московской писательницы, переводчицы, поэтессы Татьяны Стамовой. На страницах книги перекликаются два детства-отрочества двух разных поколений.

Герои первой части – Женька с Тимом и их сверстники – живут в Москве, мечтают, дружат, влюбляются... Во второй части мы знакомимся с Женькиными детьми, Арсом и Филей, и «кругосарайное путешествие» начинается сначала.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Часть I	5
Ледовое	5
Бреховка	12
Мафин	21
Мартовские духи	25
Изверги	28
Ведьма и красота	35
Вплоть до Рембрандта	42
Кругосарайное путешествие	49
Двор, школа, двор...	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Татьяна Стамова

Кругосарайное

путешествие

© Стамова Т., текст, 2016

© Сиднева Ю., иллюстрации, 2016

© Издательство Кетлеров, 2016

* * *

Часть I

Древорубы

Ледовое

*Дождь застучал, как палкой
Мальчишка по трубе.
Судьба пришла гадалкой —
Доверимся судьбе.*

*Доверимся стихии,
Но не рутине слов —
Не таинствам алхимий,
Но таяньям снегов.*

*Так слёток понимает,
Метнувшись из гнезда,
Что небо поднимает
И держит как вода!*

Они стояли возле ямы, не зная, что бы ещё придумать.

День был солнечный, снежный, морозный. Яма в глубине сада, возле полёгшего забора блестела ледяной корой. Рядом, на толстой ветке рябины, ссорились вороны. За забором

начиналось болото с заиндевелыми камышами и уснувшими подо льдом лягушками.

Глубокая, с неровными краями и тёмно-зелёной водой, яма эта была как-то связана с болотом. То ли болото пролезло в сад, то ли забор отхватил кусочек у дикой, не просыхающей даже и в жару земли.

Одно лето в Яме жили два карпа. Вообще, тут хорошо было наблюдать за водомерками и лягушками, слушать концерты (за забором вечно репетировал лягушачий хор), пускать плавать различные предметы и потом ловить их палками. Но это летом.

Возле очищенной от снега дорожки торчал черенок лопаты.

Женька вытащила её из снега и сразу принялась вырубать в толще плотного сугроба стену крепости. Ей было восемь, брату – девять. Он всегда смотрел на неё снисходительно – девчонка. Но так уж получалось, что она всё равно была рядом: вместе залезали на большую двуствольную березу, искали пиратский клад, снимали кота с крыши...

Сейчас Тим как-то подозрительно покосился на Женьку: явно что-то замышлял.

Недалеко от Ямы валялась старая коряга – не трухлявая, вполне крепкая. Тим деловито поднял её, потом подошёл к Яме, размахнулся и изо всей силы долбанул по льду. Будум! Яма ничем ему не ответила. Гладкий, местами чуть шероховатый лёд блестит, как блестел.

– Жень, дай лопату, а? – сказал он хмуро.

– Ни за что, – сказала Женька. Это дело начинало ей не нравиться.

Тим снова вооружился корягой и нанёс ещё несколько ударов по льду. Лицо у него сделалось серьёзным.

– Может, хватит? – сказала она взрослым голосом, который он терпеть не мог. – Дурацкое занятие.

Она повернулась в сторону дома – во-первых, показать, что ей правда неинтересно его «дурацкое занятие», а во-вторых, может, кто-нибудь из взрослых вышел по случайности в сад. Нет, никого.

За спиной у неё раздался звук, не похожий на прежний. Она повернулась. Тим, в своём сером полушубке из искусственного меха, стоял посреди Ямы. Он стоял спиной к ней, Женьке, и к дому, который вдруг показался ей очень далёким, и с остервененьем топал сапогами по льду.

– Тим, ты что, обалдел? Сейчас Верика позову!

– Будешь предательница! Сидиха! – повернувшись, отозвался он (они только недавно прочитали вместе Тома Сойера). – Чего боишься, трусиха? Он же крепкий. Тут танк может пройти! Смотри!

С этими словами он оттолкнулся обеими ногами и подпрыгнул.

– Ну вот, видишь?

Женька словно окаменела. Она стояла и смотрела, как в кино, как он прыгает и прыгает на одном месте посреди этой

дурацкой ямы.

Бум! Бум! Бум! Хрясь! Она смотрит, а он, как в кино, начинает медленно проваливаться под лёд.

– Мама-а-а! – Она хватается корягу, лежащую на краю Ямы, и, подавшись вперёд, почти кидает ему. Сердце колотится так, будто тоже прыгает и прыгает на какой-то льдине.

И вот он уже на берегу, похожий на толстую мокрую выдру. На Женьку не смотрит. Смотрит вниз, на ноги в сапогах:

– Ух, целы, а я думал, один уплыл.

– Тим! – Она обнимает его в мокром насквозь полушубке и не знает, плакать ей или смеяться.

– Скорей домой, сушиться!

– Укокошат меня!

– Меня тоже. Ладно, побежали!

Она берёт его за руку в холодной мокрой варежке. Он отдёргивает руку:

– Если хочешь, беги.

И вот она скачет впереди, как-то боком, как подбитая птица, и всё время оглядывается, а он идёт спокойно, тяжело, глядя под ноги и сосредоточенно прислушиваясь к бульканью в сапогах. Вот уже крыльцо, вот веранда, вот Верик (бабушка).

– Тим упал. Его сушить надо.

Какое было выражение Верикина лица и что она тогда сказала, они не помнят. Тоттоша (дед) в это время ходил с ведрами на колонку, так что обошлось без «укокошивания».

Шубу немедленно сняли, сняли сапоги с водой. Тут Женька отважилась посмотреть брату в лицо. Оно было важным и серьёзным. Он сделал то, что должен был сделать, а это всё уже досадные мелочи, почти не имеющие к нему отношения.

Он покосился в сторону, где на полу прихожей, словно рыцарский доспех, стоял заледеневший полушубок. В глазах мелькнул огонёк – смесь гордости и радостного удивления. Тут Женька не выдержала и дико расхохоталась.

– Дура! – сказал он и отвернулся. – Дурында. Дура.

Хотя чувствовал, что его самого тоже начинает разбирать смех.

Пока Верик подкладывала поленья в печку и насыпала горчичный порошок в шерстяные носки, в прихожей от «до-спеха» натекла огромная лужа.

Он сидел, протянув ноги к печке, ощущая в замёрзших пальцах приятное покалывание, и смотрел, смотрел сквозь широкую щель, как рушатся там чёрные и багровые замки и разбегаются рваными тенями разбитые неприятельские войска.

Бреховка

*Мальчик считал «до десяти» —
«Десять, иду со двора!
Чур – со двора не идти!»
Прятки – такая игра.*

*Вечный соблазн подсмотреть
Из-под опущенных век.
Сам себя дёрнул: не сметь! —
Так и стоишь, осовев.*

*Кто-то таится «как вор»,
Кто-то летит «как стрела».
Снова зажмурился двор,
И запотела стена.*

*Главный восторг – выручать —
Стенки коснуться за всех!
Тот запыхавшийся смех...
Главное – будешь играть?*

Белые и красные стрелки опять разбежались по дворам и переулкам. Топот ног, выглядыванье из-за углов. Весь мир – картинка-загадка...

– А чё это вы? А мы так не договаривались!

– Как?

– А вот так! Видели ваши рожи у Серого на четвёртом этаже.

– Не... всё, я пошёл! – Смачный плевок в сторону. Это Вовка-толстый.

Не договаривались прятаться в подъездах. Но соблазн был велик, и время от времени кто-то да и прятался. А там можно было завернуть к кому-нибудь домой и, ухмыляясь, смотреть из окна, как «казаки» очертя голову бегают по окрестным дворам.

Но вот «манёвр» раскрыт. И все мрачно расходятся.

Остались четверо: Тим, Женька, Юрка и Юлик Хонта (ну да, Хонта, – отец у него не то грек, не то испанец).

– Айда на Бреховку! – присвистнул Тим. Его сестра ничего не сказала, потому что она всегда была с ним, куда бы его ни повело. Юрка и Юлик не возражали: время было ещё детское и расходиться никому не хотелось. Они по очереди протиснулись между двух слегка отогнутых прутьев ограды, отделявшей двор от задворков, и побежали к гаражам.

«Бреховка!» – при этом слове сердце начинало биться быстрее и жизнь наполнялась приятным смыслом.

Бреховка находилась в тупике, и мало кто знал о её существовании.

Юлик, например, не знал. Он вообще не принадлежал к их компании. Так, иногда появится и исчезнет. За гаражами была глухая серая стена с небольшой пристройкой – метра

три высотой. Возле самой стены к нижней части наклонной жестяной крыши приставлена широкая доска.

Юрка легко, по-обезьяньи взбирается по доске и, избежав по гремящей жести, садится, по-пижонски скрестив длинные ноги. За ним вскарабкивается Женька. За ней тенью взлетает Тим. Теперь – очередь Юлика.

«Не полезет, – подумала Женька. – Так просто увязался, из любопытства».

Юлик был похож на какого-то дурацкого принца. Долговязый, неуклюжий, нереально крупные и нереально светлые кудри, глаза большие, голубые, и в них детское, недоумённое выражение, как будто он никак не может понять, куда попал.

Пока они оглядывают сверху окрестности, нет ли поблизости разъярённых «гаражников», он начинает «восхождение»: встал на доску боком и, держась одной рукой за стену, продвигается вверх медленными приставными шагами. Дальше присел и, вцепившись в доску, не карабкается, а почти ползёт на четвереньках. В глазах чуть ли не отчаянье – как будто под ним бездонная пропасть.

Тим фыркнул. У Женьки мелькнула мысль протянуть руку, но она удержалась. И правильно сделала: вот он уже на крыше.

Хорошо, что Юрка этого не видел, а то бы уж высказался, как он умеет.

Прямо напротив пристройки и метрах в полутора от неё стоял молодой тополь с горизонтальной веткой – что твой

тренер с поднятой рукой. Нужно было, хорошо рассчитав, прыгнуть и повиснуть на этой ветке, как на турнике, а потом на руках дойти до ствола и спуститься по нему вниз.

Плёвое дело! – отсюда и Брехóвка – Юркино, кажется, выражение.

– Эй, – окликнул Юлика Тим. – Смотри, мотай на ус. Ша тоже прыгнешь.

Юрка уже стоял на краю. Он согнул ноги, попружинил немного на месте и прыгнул. Это было красиво!

Покачался на двух руках, потом отпустил одну и сунул палец в рот, изображая обезьяну. Это была его «коронка».

Через несколько секунд он уже съезжал по стволу и небрежно, напоказ отряхивал с себя пыль.

– Ну чего, прыгай? – галантно предложил Тим Юлику. Но тот стоял, виновато склонив голову, и не сделал ни шагу.

– Ладно, тогда учись. – Тим деловито подошёл к краю, зыркнул исподлобья на ветку и прыгнул. На Брехóвку они с Женькой навевались часто, и у него всё уже было рассчитано и выверено.

Прыжок как прыжок, безо всяких Юркиных выкрутасов.

– Женька, давай!

Женька краем глаза покосилась на Юлика и стала возле края. Тополиные почки уже начинали распускаться и пахли изо всех сил.

Ещё пахло весенней землёй, небом и жареной картошкой, которую кто-то делал или уже ел на ужин. Она вдохнула в

себя всё это и прыгнула. Сердце как всегда сладко ёкнуло – есть!

Она повисела пару секунд, чтобы перевести дыхание и собраться с силами, и пошла на перехватах к стволу. Совсем ещё недавно всё это давалось ей с натугой, а теперь она гордилась своей лёгкостью.

Тим с Юркой стояли в стороне и о чём-то болтали. Она тоже отряхнулась и подняла глаза.

– Давай! – крикнула она. – Знаешь, здорово!

«Принц» стоял и смотрел куда-то в сторону. Как будто их тут и не было.

– Ждать мы его будем, что ль? – буркнул Юрка. – Спрыгнет, не маленький, пошли.

И они пошли. Были уже сумерки.

Тим небрежно обернулся – стоит, тупица! Женька до гаражей обернулась два раза. Он так и стоял в той позе, глядя неизвестно куда.

От гаражей Юрка пошёл домой (он жил рядом в переулке), а они с Тимом во двор (их дом был во дворе).

Во дворе Оксанка с какой-то своей школьной подружкой играла в классики.

– Тим, я ещё поиграю, – сказала Женька.

– Давай! – Он хлопнул тяжёлой парадной дверью и исчез.

Женька повернулась и рассеянно поплелась назад к Бреховке. Она ещё от гаражей увидела – сидит. На краю, обхватив руками колени, лицом к тополию. Как будто дремлю-

щая птица. Подойдя ближе, она заметила, что доска валяется на земле.

– Чего делаешь? – спросила она.

– Радуюсь жизни.

– Гм... И долго ещё будешь радоваться?

Он не ответил.

– А почему доска лежит?

Он замялся: – Упала...

Она подошла к стене и, поднатужившись, поставила доску

в прежнее положение.

Уже успело немного стемнеть.

– Ну ладно, – сказала она неуверенно. – В общем, как знаешь. Ну ладно, пока.

В ладони у неё сидела заноза. Она зашла за гараж и встала за углом.

Место для наблюдения было хорошее.

Ждать пришлось не долго. Он поднялся, сутулясь, подошёл к доске и с силой пнул её ногой. Доска поехала и с шумом грохнулась на землю. Он повернулся и медленно подошёл к краю крыши. Женька как будто почувствовала его взгляд – тяжёлый, резкий. В нём больше не было никакого недоумения. В следующий момент он прыгнул.

С секунду продержался на одной руке и рухнул.

У неё опять внутри ёкнуло, но очень противно. Он лежал под деревом на боку, а она стояла за этим дурацким гаражом и не могла двинуться с места. Потом он начал вставать. Встал на колени, покосился на ободранный локоть, приложил руку к щеке.

Теперь он стоял к ней в профиль. Посмотрел на крышу, потом – на дерево. Вдруг по лицу его поехала улыбка. Она была ослепительна, словно только что родившийся месяц. И Женька почувствовала, что тоже улыбается.

– Бреховщик! – пробормотала она – и побежала домой.

Дома Тим посмотрел на неё подозрительно.

– Прыгнул?

– Прыгнул, – буркнула она.

– А зачем бегала?

– Так...

Тим хмыкнул и пошёл делать уроки.

Женька залезла на широкий мраморный подоконник и посмотрела в окно. Земля была вся в красных тополиных серёжках, похожих на огромных гусениц. Она открыла форточку, высунула голову и втянула в себя воздух. Пахло зем-

лэй, небом и Брехóвкой.

Мафин

*Хотели назвать Бурбоном,
а назвали Муссон.
Сиамской окраски,
пушистый, как облако,
летающее над забором.
«Если до вечера не найдём,
будем звать милицию», —
сказала мне девочка.
Пришёл как тень
и лежал на газоне,
извиваясь,
как герб семьи.*

Когда Женька пришла из школы, Тим был дома, что-то делал на кухне.

– Привет! Что делаешь?

– Приманку для Мафина.

Мафин был недавно поселившийся у них котёнок – совсем чёрный, с жёлтыми глазами, и уже очень любимый.

– Зачем?

– Он на крыше Лялькиного дома. Ходит, зовёт и не может слезть. Надо быстро, а то замёрзнет. (Дело было в январе).

– Родители дома?

– Нет.

– И что?

– Полезу за ним.

– Как?

– По пожарной лестнице.

(Лялькин дом был трёхэтажный, но очень высокий. Одной стороной выходил в узкий слепой отросток их двора, другой – на улицу).

– Вначале надо попробовать изнутри, с чердака, – сказала Женька.

– Уже пробовали, с Лялькиным папой, там всё глухо.

– Тим, я тебя не пущу.

– А я тебя не спрошу. (Не спросит, это точно – Женька знает характер брата.)

– Тогда я с тобой.

– Ладно.

(Тим уже выловил из рагу несколько кусочков мяса и теперь насаживал их на длинную проволоку).

И вот они уже возле лестницы. Сверху доносится тонкое пронзительное мяуканье. Мафин ходит по крыше туда-сюда, иногда пропадает из виду, потом появляется снова. Лестница обледеневшая, скользкая. Хорошо, что мама купила им обоим новые шерстяные перчатки, в варежках было бы намного хуже. Оглянулись, нет ли кого поблизости. Нет! Можно лезть!

Тим первый. Женька – след в след. На середине лестницы

ей стало страшно. Вдруг поняла, что смотреть вниз нельзя, только на Тима. И думать только о нём и Мафине – о себе тоже нельзя.

У Тима на локте висит целлофановый пакет с приманкой. Почти долезли.

– Мафин! Мафин! Мафин! – Тим зовёт.

Невыносимо долгая пауза. Какое-то шебуршение. Писк. Потом ликующий голос Тима: «Есть! Спускайся!» Спускаются очень медленно. Женька придерживает Тима. Из-под куртки у него слышен жалобный голосок Мафина. Вдруг сам Тим начинает издавать странные звуки, похожие на всхлипывания.

– Тим, Тимчик, – говорит Женька, – ну всё же хорошо. Немного осталось, совсем немного, потерпи...

Звуки становятся ещё громче, теперь они напоминают сдавленные рыдания.

– Тим, не плачь, ну что ты... мы уже почти... ещё чуть-чуть...

Последние метры, ничего, ничего... Тим молодец! Всё, победа! – Она касается ногой бугристой скользкой земли: «Ура, Тим!»

Брат поворачивается к ней, и она видит: Тим трясётся от смеха! Куртка у него на груди ходит ходуном – там отчаянно кувыркается и царапается Мафин.

– Тим! Как же ты меня напугал! Правда ведь подумала, что плачешь!

– Ага! И этим смешила меня ещё больше: «Тимчик, не плачь, Тимчик, не плачь!» И так чуть не умер от мафиновской щекотки!

Тут только они замечают отца. Всклокоченный, без шапки, он бежит им навстречу, обнимает Женьку, Тима, хочет, что-то сказать и не может. (Тётя Ира, соседка, увидела их из окна, когда были уже высоко на лестнице, и позвала его – он как раз вернулся с работы...)

А что Мафин? Мафин вырос в большого (правда, скорее, миниатюрного) кота и жил у них ещё много лет. Иногда провожал их с Тимом до школы, потом шёл по своим кошачьим делам в подворотню.

Мартовские духи

...

*И снятся сны, и каждый миг
Проснётся что-то и выходит
Из-под земли. Сосна штормит,
И дятел в чьих-то прятках водит.*

*Свет пролетел. Промчались тени.
И зайчик завелся волчком.
И льдинки в солнечном коктейле
Звонят последним холодком.*

Конец марта! В синем воздухе прохладный солнечный коктейль – с льдинками! От калитки к дому вдоль дорожки бежит Ручей. Ослепительно сверкает, журчит: «Вот он я! Родился, родился, родился...»

Напротив крыльца, под каштаном – старый деревянный стол. Зимой они с Вериком высыпают на него пшено для птиц. Но сейчас Женьке не до пшена.

Весь стол заставлен пузырьками и флаконами. Есть совсем простые – из-под зелёнки и йода, а есть – настоящие флаконы из-под старых и очень старых духов! Старинные! Вот этот – самый прекрасный, с крышечкой в виде какой-то неизвестной птицы.

Женька наклоняется над новорождённым ручьём (ещё вчера его не было) и набирает полный флакон живой и звонкой воды. Потом кладёт в него сухие чёрные горошины черёмухи, набухшие на солнце почки малины, зубастый зелёный листик крапивы, высунувшийся из под чёрной корочки снега... Внимательно размешивает всё это тонкой веточкой и втягивает в себя волшебный аромат новых духов.

В каждом пузырьке будет храниться свой собственный запах. В ход идут чешуйки от шишек (спасибо белкам, хорошо поработали), кленовые семена-вертолёттики, смола, хвоя... Нужно, чтобы этот март, зазвучал в полную силу, настоялся, окреп и жил ещё целый год, до новой весны.

На крыльце – Тим.

– Колдуешь?

Она не достаивает его ответа.

– Я – к Серому. На светопреставление. Пойдёшь?

(Светопреставление – подушечные бои в темноте. Это слово они слышали в первый раз от Серёжкиной мамы, когда она застала их бой в самом разгаре и включила свет).

– Иди сам!

– Ну и оставайся, Мадам Тюлюлю.

– Сам такой.

«Светопреставление – да ну его! – думает Женька. – Темнотища, духотища, ещё подушки летают. Глупо!» (До сих пор она считала «светопреставление» отличным делом и никогда его не пропускала.)

Тим хлопает калиткой.

Она остаётся с говорливым ручьём, любопытными птицами и терпкими, щекочущими запахами этой весны. А к ним примешался таинственный тонкий аромат – такие духи могли быть только в очень далёкой бабушкиной молодости.

Изверги

*Золотые, серебряные —
чуть касаясь асфальта —
чьи-то пятки мелькали,
улепётывали от кого-то —
от кого-то, кто гнался...
Потом разбежались
кто куда, а ветер
пролетел, не вспомнил,
но однажды в далёком
краю зелёном
вдруг увидел во сне
с чего непонятно,
вдруг увидел пятки,
серебряные, золотые,
у-ле-пё-ты-ва-ю-щи-е от кого-то...*

Улица Хвойная оправдывала своё название. По обе стороны росли высоченные ели, посаженные бог весть когда, в каком-то очень лохматом году. А на участках – сосны с пышными или отбитыми молнией верхушками. У многих стволы обвиты разросшимся диким виноградом.

Женька ехала по Хвойной на старом велике, ехала медленно, заново разглядывала домики с мансардами, крылечками и пристройками, смешные таблички со злыми собаками

ми, похожими на добрых крокодилов, и заржавленные почтовые ящики на калитках.

Улица эта не её, но живописнее нет во всём посёлке. А ещё здесь в конце лета одно удовольствие рыскать вдоль заборов по канавкам: грибов всяких завались, от белых до опят.

«Васька! Невеста едет!» – раздался басовитый мальчишеский голос где-то впереди за забором. Женька не обратила на него внимания и продолжала ехать медленно и мечтательно: пропустила красивую трёхцветную кошку, оглянулась на дятла, самозабвенно долбившего дырку внизу старой ели.

Вдруг калитка почти напротив неё распахнулась, и откуда появились двое мальчишек лет десяти-одиннадцати. Они стояли с таким видом, как будто всю жизнь только её и ждали. Женька продолжала ехать вперёд как ни в чём не бывало. Вдруг из сада раздался резкий свист, и она увидела ещё одного, стоявшего в развилке старой берёзы. В тот же миг один из тех двух нагнулся и, подобрав с дорожки горсть гравия, с залихватским видом швырнул ей прямо под колёса. Пришлось остановиться. Женька почувствовала, что сердце у неё застучало громко и часто. Она быстро развернула велик, вскочила на него с разбегу и помчалась в сторону дома.

«Васька! Уматывает!» – послышалось вслед. Оглянувшись, она увидела погоню. Двое? Трое? А может, больше? Она поднажала на педали.

В глазах стало горячо. Тут уже не до красот. Мальчишек этих она не знала. Но никакого доверия они не внушали.

Поворот. Ещё один. Родная улица Нестерова – самая узкая в посёлке, заросшая по бокам шиповником и крапивой. В это время один из преследователей догнал её слева: «Врёшь – не уйдёшь!» Женька рванула из последних сил. Преследователь попытался сделать подсечку. Она резко повернула руль вправо и полетела в канаву – к счастью, почти возле собственной калитки. «Ма-а-ам!» – изо всех сил крикнула она.

Мама сидела в саду за столом – они с подругой, тётей Мариной, писали бесконечную книгу по театральному костюму. Она выбежала на крик и увидела Женьку в канаве с крапивой и уносящуюся на велосипедах ораву каких-то охламонов.

У велосипеда обнаружилась безнадёжная «восьмёрка». («Ничего, – сказала мама, – он и так отслужил своё. Значит, пора покупать новый»). Колено и локоть залили зелёной. Красиво! И сели пить на веранде чай.

Пришла Верик.

– Ты их знаешь? – спросила она...

– Не-а. Кажется, с Хвойной. Одного Васька зовут.

– Изверги, – сказала Верик.

Приключение забылось. Женька мечтала о новом велосипеде.

Прошло дней десять. Как-то вечером она рыхлила землю вдоль садовой дорожки: на следующий день они с Вериком собирались высаживать рассаду астр. Верхушки сосен уже начинали зажигаться оранжевым светом.

Дятлы ещё чего-то не додолбили, сойки не докричали, зяблики не допели. Вдруг в щель калитки кто-то тихо сказал: «Эй! Привет! Подойди, а?»

Она подошла. Посмотрела: мальчишка. Белобрысый, стриженный почти под ноль, глаза серо-голубые, улыбка – хоть завязочки пришей.

– Привет, – сказала Женька. – Ты чего?

– Щенок не нужен?

– Наверно, нет.

– Почему?

– Бабушка не хочет.

(У них год назад умер старый пёс по имени Дюк, настоящая немецкая овчарка.)

– Ну посмотри хотя бы!

Женька оглянулась, не видно ли Верика, и открыла калитку.

На руках у мальчишки был щенок – серый, уши наполовину висят, как привядшие в жару подорожники, а на носу почему-то большое розовое пятно.

Щенок посмотрел ей прямо в глаза – и Женька засмеялась.

– Откуда? – спросила она.

– Чара у нас ошенилась, – сказал мальчишка. – Остальных дед утопил. А этого не знаем, куда девать. Тоже грозитя. Возьми, а?

Женька посмотрела на щенка и быстро сказала:

– Давай.

Он осторожно переложил его ей на руки.

– Можно зайду?

– Заходи.

Он вошёл.

– Скорей в Резиденцию! – скомандовала Женька.

«Резиденцией» назывался маленький зелёный домик под

большим каштаном. Летом в нём иногда ночевали гости, приезжавшие на уик-энд. Там Женька организовала щенку гнездо из своего старого свитера, потом сбегала в дом и принесла размоченного в молоке хлеба на блюде и воды в кошачьей миске. Щенок быстро всё это съел, поплакал водички и задремал.

– Можно я буду иногда приходить? – спросил мальчишка.

– Можно. Как тебя зовут?

– Вася.

– Меня Женька. Где живёшь?

– На Хвойной, – сказал он с кривой улыбкой и отвернулся.

Потом был разговор с Вериком.

– Это ещё что?!

– Щенок.

– Я же сказала: пока собаку не берём.

– Но так получилось. Принесли, попросили. Чистокровная овчарка.

– Ага, вижу. С поросычьим носом.

Верик подняла щенка за шкурку.

– И на пузе пятна такие же.

– Да нет, – сказала Женька. – Это просто он маленький ещё.

– И откуда такое сокровище?

– С Хвойной.

– От извергов, что ли? – спросила Верик и посмотрела на

неё неуютным всезнающим взглядом.

– Ну и что? – сказала Женька упрямо. – Они же его не утопили. А вот мы, если не возьмём, точно будем изверги.

Верик замолчала. Поглядела ещё раз на щенка и сказала, как махнула рукой:

– Ладно, бери.

Потом, скрывая хитрую улыбку, добавила:

– Ну смотри, если он у тебя вырастет прыщеватым коротыгой!

– Ты что! – закричала Женька. – Посмотри, какой он красивый! Вылитый овчар!

Они опять посмотрели на серый комочек в углу.

– Верик, – спросила Женька тихо, – а можно он будет к нему приходить?

– Кто?

– Вася. Ну который принёс.

– Изверг?!

И они обе захохотали так, что щенок на свитере поднял сонную мордочку и заливисто зевнул.

Ведьма и красота

*Дайте денег – я куплю
масло, темперу, холсты...
Натяните мне холсты,
загрунтуйте, я прошу.
Натюрморты жить хотят,
осень с высохшей рукой;
профиль тот, что сходит в тень,
тоже загорелся жить!*

Накануне был ураганный ветер. Сосны ходили ходуном. За окнами что-то трещало, падало, шишки грохотали по крыше. Утром, когда Тим шёл за молоком к козьему дедушке, он увидел на Первой Серебрянской упавшую сосну. Упала она не просто так, а на дом. «Ничего себе», – подумал он.

– Держи ровно, – строго сказал козий дедушка (раньше Тим думал, что Козий – это его имя). – Наливам! (Так он говорил всегда – «Наливам!» – и делал при этом очень серьёзное и строгое лицо.)

– Спасибо!

– Пейте на здоровье!

По дороге назад Тим старался не бежать. Но из-под крышки бидона всё время брызгало молоко.

Он поставил бидон на стол на веранде, положил сдачу и

кинулся назад к калитке. «Неужели у неё, у Ведьмы?» – эта мысль мелькнула у него ещё по дороге от молочника. Где-то в том конце Первой Серебрянской она и жила. Ведьмой-то навряд ли была, а всё-таки похожа: сгорбленная, худая, нос хоть и не крючком, но сгорбленный тоже. Взгляд из-под бровей быстрый, и от него мурашки бегают.

Пару раз они с мальчишками видели её у магазина. Однажды поспорили – кто не побоится плюнуть Ведьме в лицо. Кто-то из них слышал, что это лишает её колдовской силы. Тим сдуру сказал: «Раз плюнуть!» Его и выбрали. А тут она как раз идёт.

– Давай! – говорит Серый. – Первое слово!

Тим обречённо, как охотник на тигра, пошёл ей навстречу. Чем ближе он подходил, тем ясней понимал, что «раз плюнуть» совершенно невозможно.

Вот он – её стремительный и холодный (как удочку бросает) взгляд из-под седоватых бровей – и Тим, поперхнувшись каким-то неродившимся словом, проходит мимо. Мальчишки у магазина свистят во все пальцы. «Ну и чёрт с ними – пусть обсвистятся», – подумал он тогда и со странным чувством (то ли тяжести, то ли облегчения) вернулся домой.

«А соснища-то какая!» – думал он теперь. Почему-то вспомнил про фургончик Элли, раздавивший Гингему, и припустил ещё быстрее.

Калитка приотворена – а вдруг он ошибся? Сейчас ещё выскочит какая-нибудь дурацкая собака. Нет, всё тихо. Сос-

на упала прямо на крыльцо и проломила крышу террасы. Тим обошёл весь домик: может, найдётся ещё один вход? Всё глухо. Кусты белой гортензии, крапива во весь рост.

Вот форточка открыта! Он собрался с духом и постучал в окно. Послышался звук, как будто внутри зашуршала очень большая бабочка. Тим замер. Захотелось спрятаться или убежать. Но было поздно – у окна появилась Ведьма! Стала возиться со шпингалетом, руки у неё дрожали. Наконец окно с неожиданным треском открылось. Тим чуть не упал, схватился за ствол рябины.

– Ой, деточка, как хорошо! Здравствуй! – раздался низкий и будто надтреснутый Ведьмин голос. Он напомнил Тиму голос его двоюродной бабушки (или «пратёти») Киры, и Тим сразу успокоился.

– Здравсьте. – Он перевёл дух.

– Понимаешь, звоню племяннику, чтоб приехал, – сосна упала. Не могу дозвониться. Аварийка тоже не отвечает, наверно, у меня телефон старый. Выйти не могу. Тебя как зовут? – Она снова закинула удочку своего взгляда, но на этот раз обошлось без мурашек.

– Тим.

– Меня – Елена Семёновна, – произнесла она, и в этом тягучем «Семёновна» были сосновые хвоя и смола и древесный запах её запущенного дома.

Убрать сосну и починить террасу помог тогда Василий Михалыч, живший на углу Второй Серебрянской и Станци-

онной. Он был мастер на все руки и каждое лето угощал их с Женькой яблочками китайкой из своего сада. Сосну убили его знакомые рабочие, а терраску с крыльцом починил потом он сам.

Елена Семёновна оказалась не ведьмой, а художницей. «Тим, ты мой спаситель, – сказала она. – Приходи как-нибудь в гости. Картины посмотришь».

По тёмному дереву стен были развешаны картины. Как только Тим перешагнул порог, они уставились на него отовсюду. У них не было глаз, только треугольники и другие геометрические фигуры. Они плясали, сталкивались, во что-то складывались и рассыпались, как в калейдоскопе. И смотрели на него, а он смотрел тоже.

Хозяйку он поначалу не заметил. Она была где-то сбоку, на маленькой кухоньке, – варила рыбу для кошки.

– А, это ты! Заходи, заходи.

Как раз в это время Тим остановился, потому что дорогу ему преградила кошка. Она была трёхцветная, с очень длинной шерстью и, сильно выгнув спину, тёрлась об его ноги.

– Это у нас Фуксия, – сказала хозяйка. – Знакомится. А мы сейчас будем пить чай.

Потом они сидели за большим дубовым столом и пили чай из маленьких фарфоровых чашек. Посреди стола, в старой запылённой керосиновой лампе, стоял засохший букет – чертополох, или что-то вроде. Фуксия прыгнула на колени к хозяйке и сразу затарахтела, как маленький заводящийся мо-

пед.

– Некоторые говорят, что вы – ведьма, – Тим услышал свой голос как будто со стороны.

– Некоторые имеют полное право так считать, – сказала она.

– Но вы не... – тупо произнёс он и сам хмыкнул.

– Я – это я, – сказала она.

Лицо у неё было очень старое и странно красивое, как будто с какой-то древней потрескавшейся фрески. Вьющиеся седые волосы заплетены в две короткие смешные косички. Глаза зеленовато-жёлтые, как два последних листа на осенней ветке.

– Училась во Вхутемасе.

– ???

Она увидела вопрос в его глазах.

– Не слышал о таком?

– На Фантомаса похоже.

– Ха, действительно. Сокращённо – художественные мастерские. Но меня оттуда выгнали после второго курса.

– За что?

– За благородное происхождение, представь себе.

– Они что, идиоты?

– Тогда, после революции, это казалось неправильным.

– А как они узнали?

– Донёс кто-то. Но потом я училась у дивных художников – ты их не знаешь, наверно, – Лентулов, Фальк...

– Я видел «Чёрный квадрат» Малевича, – сказал Тим.

– Да? И что думаешь о нём?

– Я когда на него смотрю – не могу думать. Кажется, сам он потом ушёл в этот свой квадрат. Грустно как-то.

– А у меня по-другому. Я когда закрываю глаза, вот тут у меня всё начинается. Все мои ещё не написанные картины, все картины вообще – пространство живописи. И этот чёрный квадрат – как закрыть глаза. Ну, давай картины смотреть.

– Это всё ваши?

– Да. Вот интересно – что, по-твоему, это такое?

– Красота, – не задумываясь, ответил Тим.

– Хм, вот и я так думаю... а некоторые не понимают, не видят, наверно.

– Некоторые имеют право? – вспомнил Тим.

– Ха-ха, действительно, – засмеялась она.

Потом Тим заметил в простенке ещё две маленькие картины.

– Это уже не мои. Но с меня написаны – с меня молодой. Портреты.

Тим посмотрел на первый. Ну да, она, только очень молодая. Зеленоватые глаза, взгляд одновременно открытый и настороженный. Брови празднично изогнуты. Волосы перекинуты через одно плечо.

Второй – совсем другой, напоминает цветную мозаику её собственных картин. И где тут портрет?

– А ты отступи подальше, – посоветовала она. – Ещё, ещё... Теперь видишь?

Теперь он увидел. Мозаика сложилась в женский профиль, из которого глядел большой зелёный глаз-треугольник.

– Вижу! Это вы изнутри?

– Ого! Да, пожалуй.

Тим ещё раз посмотрел на оба портрета, потом скосил глаза на хозяйку дома и спросил:

– А смерти вы не боитесь?

– Я её не жду. И не боюсь. Там, за чёрным квадратом, много света. И цвета. Нам, художникам, раздолье.

В старой раме окна незаметно наступили вишнёвые сумерки. В них светились только белые шары гортензий.

– Что-то ты долго. Где был? – спросила мама.

– У Ведьмы! – радостно выпалил он. – Мам, купишь мне завтра ещё красок, ну если в город поедешь, ладно?

Вплоть до Рембрандта

*В зелёных листьях
на свету —
ты видишь красоту?*

Этот апрельский день был странным и непохожим на другие апрельские дни.

Началось всё ещё вчера. Когда мы с Марьянкой выходили из школы, она отвела меня за палаты семнадцатого века и сказала:

– Жень, у меня к тебе очень важное дело.

Я сразу обрадовалась. У нас очень давно не было никаких важных дел.

– Слушай, – сказала она и посмотрела на меня очень серьёзно. – Понимаешь, Жень, я хочу рисовать! Но не так, не дилетантски, а по-настоящему. В общем, ты должна мне помочь.

– Да при чём тут я? – Сама-то я рисовала, но именно так, как все, не хуже и не лучше.

– Слушай дальше, не перебивай. – Марьянка любила во всём обстоятельность. – Ну так вот. Ты же знаешь, что никаких таких талантов и даже способностей у меня не было и нет. Ты видела, как я рисую: точка, точка, запятая – вышла

рожица кривая.

Я смотрела на асфальт.

– А теперь слушай сюда. – По её голосу я поняла, что сейчас она скажет самое главное. – Есть один человек, который реально может мне помочь.

– Я его знаю? – Я судорожно соображала, кто же это мог быть и какое я имею к этому человеку отношение.

– Нет, в том-то и дело, что ты его не знаешь.

Я поняла, что ничего уже не понимаю.

– Ладно, – сказала я. – Говори дальше.

Дальше выяснилось, что в нашем городе есть гипнотизёр, который может пробудить в человеке его скрытые творческие способности. («Очень глубоко скрытые и очень крепко спящие», – пошутила Марьянка.) В том числе художественные. И развить их. Вплоть до Рембрандта!

В общем, я должна была составить ей компанию, чтобы было не страшно.

– Слушай, это здорово! – сказала я. – Я тоже хочу. Только не до Рембрандта, а до Ван Гога.

Теперь мы шли с ней по весенней улице, даже не понимая, весна это или не весна, наш город или не наш, а может, и страна другая или вообще другая планета. Мы прошли мимо зоопарка, даже не вспомнив, что там живут звери, потом свернули в один из переулков и наконец в тот самый двор.

Там стояло длинное одноэтажное строение, может быть, бывшая конюшня. Невзрачное такое строение, но это

только добавляло ему таинственности. На старой облупленной двери висела афиша:

РАСКРОЙ СВОИ СПОСОБНОСТИ!

Буквы были большие, чёрные; внизу была нарисована чёрная же рука, держащая толстую акварельную кисть.

Мы остановились и переглянулись.

– Ладно, Жень, где наша не пропадала, – решительно сказала Марьянка. Наверно, вспомнила о Рембрандте. Тогда я быстро вспомнила о Ван Гоге, и мы вошли.

В прихожей, возле вешалки робко топтались нераскрытые дарованья, как юные, так и пожилые. Потом появился великий гипнотизёр и велел всем занять места в зале – на стульях возле стеночки. Он был небольшого роста, с огромными залысинами, с абсолютно чёрными глазами и одет во что-то тёмное. Он сказал, чтобы мы расслабились. Это ещё не занятие, а только знакомство. Все разом выдохнули.

– Закрыли глаза, – сказал великий гипнотизёр.

Мы закрыли.

– Веки тяжелеют, тяжелеют веки. Веки тяжёлые, тяжёлые, совсем тяжёлые.

Мои веки совсем не хотели тяжелеть. Вместо этого внутри меня проснулась моя глупая смешинка, которая, как кашель, объявлялась в самый неподходящий момент.

– Руки перед собой, – рокотал немилосердный голос. – Сжали пальцы. Крепче. Ещё крепче.

Я изо всех сил сжала пальцы в кулаки. Вот это я умела.

Мне иногда приходилось драться с мальчишками во дворе.

– Кулаки тяжёлые. Гири чугунные. Чугунные гири.

Я представила себе, как мы тупо сидим на стульях (Марьянка, я и все эти засыпающие дарованья), с тяжёлыми веками и чугунными кулаками, и почувствовала, как меня просто раздрает смех. А когда меня раздрает смех, то я слабею. Я стала изо всех сил бороться со своим лицом, чтобы оно не выдало, что у меня уже все внутренности трясутся от смеха.

– Ноги тяжелеют, тяжелеют ноги...

Что же делать? Ведь я сейчас расхожусь! И это наверняка поставит точку на всех Марьянкиных мечтах! Я была как Буратино на представлении у Карабаса.

И вдруг... Я подумала, что ослышалась:

– Открыли глаза – разжали пальцы – встали!

Всё это он выпалил скороговоркой, и слова прозвучали внезапно, как пулемётная очередь. Но это было – спасение. От неожиданности моя смешинка заткнулась. Буратино вскочил – руки по швам, глаза широко открыты: мне не терпелось увидеть выражение лица великого гипнотизёра.

Чёрные глаза, напряжённо смотревшие куда-то прямо перед собой, скопились и скользнули взглядом по моему лицу. Это был неприятный и неприязненный взгляд. В нём чувствовалось раздражение и досада, как будто я была непрошенной букашкой, залезшей на королевский стол.

И всё-таки я была довольна. Мой предательский смех не

смог прорвать плотину моего лица. Я посмотрела на Марьянку. Она ещё сидела, вытянув руки, и, словно спросонок, открыла глаза. Потом мы с ней стали коситься на остальных. Они всё ещё были как неживые. Один взрослый дядечка продолжал сидеть как ни в чём не бывало с чугунными кулаками.

И глаза у него не открылись!

– На сегодня хватит, – небрежно сказал великий гипнотизёр. – Первое занятие... – он назвал дату и время.

Мы пошли к вешалке за куртками.

– А вы, девушка, – процедил он, проходя мимо меня, – можете больше не приходите.

Я не помню, как мы с Марьянкой надели куртки, не помню, что мы сказали друг другу, выйдя на улицу. Никакой таинственности больше не было. Был прозрачный и прохладный весенний воздух и в нём сразу всё восхитительное, что было на свете. Я смотрела на распускающиеся листья дере-

вьев и думала: «Как же хорошо, что никто не может приказать этим почкам закрыться, а корням стать чугунными». И ещё – как Ван Гог написал бы эти деревья, но не захотел бы писать портрет великого гипнотизёра, потому что он был весь в чёрном и не имел никакого отношения ни к весне, ни к деревьям.

А Марьянка, может быть, из солидарности со мной, не стала раскрывать свои художественные способности (зачем миру второй Рембрандт, тем более если их будет много?) и осталась Марьянкой – но не просто, а самой лучшей Марьянкой на свете!

Кругосарайное путешествие

*Почему подорожники
идут вдоль дороги,
похожи на маленькие
зелёные следы?
Почему не могут
в сторону отойти?
Почему не сбились с пути?*

Ведь никто их здесь не сажал!

*Значит, кто-то в дорогу
с собой позвал.
Значит, кто-то имя такое дал —
ПОДОРОЖНИК!*

Томка была у нас заводилой. Иногда мы звали её Том Сой-ер. Она была хозяйкой своего прекрасного дома и сада, а мы – всего лишь какими-то дачниками. Мы – это я с братом. К тому же она была постарше нас: меня на два года, а Тима – на год.

У Томки огромное хозяйство. Вдоль одного забора тянут-ся клетки с пушистыми кроликами. Между помидорными грядками бегают пёстрые куры. А в сарае живёт пятнистый поросёнок Васька. Но дядя Витя, Томкин отец, почему-то

нас к нему не пускает.

Сарай – очень длинный. В одном конце – Васька, а в другом утварь всякая хозяйская, а наверху – отличный сеновал. Туда можно в грозу залезть по деревянной лестнице, зарыться в сено и под раскаты грома и дикое сверканье молний в маленьком чердачном окошке рассказывать друг другу страшное.

В тот день Томка, болтая после завтрака с Тимом, обронила незнакомое слово: КРУГОСАРАЙНОЕ. Потом я спросила у Тима, что это.

– Подожди, – отмахнулся он.

Вечером, в назначенный час, мы втроём подошли к забору. Забор прерывался как раз там, где начинался длинный дяди-Витин сарай, ну а потом продолжался дальше. С задней (соседской) стороны вдоль сарая тянулся узкий карниз. Он шёл на высоте метра с небольшим. Томка убедилась, что взрослых никого не видно, залезла на старую сливу, росшую впритык к сараю, потом ступила на карниз и махнула рукой. Тим подтянулся и тоже оказался в развилке дерева. Он поддерживал все Томкины выдумки и втайне её боготворил. А я готова была лезть за братом куда угодно – с ним не так страшно, то есть и страшно и весело одновременно.

Продвигались мы очень медленно, прижимаясь всем телом к дощатой сарайной стене и отчаянно цепляясь пальцами за каждую неровность.

Вдруг со стороны соседского дома послышался страшный

крик: «Ах вы черти! Ну, черти, подождите!»

Сосед был страшный дядька, лохматый, с тёмным лицом и клочковатой бородой. Звали его Мурин. Говорили, что он колдун, и все его боялись, но Томка ещё неделю назад сказала, что он куда-то уехал.

Когда я услышала этот жуткий хриплый голос, у меня внутри всё оборвалось. «Конец пришёл», – подумала я. Оглянулась – и в тот же миг свалилась в высоченную крапиву, росшую у самой стены сарая.

Мурин орал из распахнутого окна своего дома. На моё счастье, в ту минуту, как я летела в крапиву, он как раз отвернулся от окна, направляясь к двери.

Из крапивы я слышала только Томкино «Скорей!» – и замерла, как кролик в клетке. Потом до меня донеслись ещё какие-то звуки: скрежет, пыхтение и как что-то хлопнуло, не знаю что. Опять вопли Мурина, уже совсем близко. «Гады! Сволочи! Где они, черти эти?» И потом мат, целый поток этого противного мата.

Никого не увидев на карнизе, Мурин, видимо, пошёл к своей калитке, потому что через минуту, длившуюся вечность, она хлопнула так оглушительно, как будто кто-то ударил меня по голове.

Руки и ноги горели от крапивы. Сердце прыгало, как лягушка.

Вдруг я поняла, что настал миг, когда можно спастись. Я добежала до муриновской яблони, которая росла рядом с

окошком сарая, быстро залезла на неё, сделала два шага по сарайному карнизу и стукнула в оконную ставню.

Окно тут же со скрежетом отворилось, и показалась Томкино лицо с блестящими озорными глазами.

– Женька! Молодчина! Давай скорей!

Внутри было довольно темно, пахло помоями, стружкой, ещё чем-то таким, и по всему этому узкому пространству носился обезумевший пятнистый поросёнок и орал так, как будто мы пришли, чтобы его зарезать.

Вначале я стояла остолбенев и только таращилась в потёмках. А Томка с Тимом смотрели на меня. Но потом нас как будто прорвало, и мы стали хохотать как сумасшедшие. Мы хохотали, а Васька носился вокруг нас дикими кругами.

Но вот в саду – теперь уже Томкином – слышались голоса. Это Мурин орал на дядю Витю, а дядя Витя пытался что-то отвечать Мурину.

– Где эти черти? Выпороть этих чертей! Как нет? В преисподнюю, что ли, провалились? Ещё раз увижу – выпорю, своих не узнают.

И опять мат этот страшный.

Мы смотрели в дверную щель и дрожали от страха. Но дядя Витя ему сказал:

– Ну дети же! Мы, что ли, там не были? И мы были...

Потом Мурин повернулся и пошёл, всё так же страшно ругаясь, по направлению к калитке.

Только он исчез, как дядя Витя кинулся к поросятнику:

Васька так и не успокоился и визжал на самой высокой ноте, так, что хоть святых выноси.

А мы хоть и не святые были, но тоже чуть не оглохли.

И вот заходит дядя Витя к нам, прищурился в полумраке и говорит:

– Так, ну что, Том Соьер? Пороть пора! Твоя затея?

Томка не моргнув глазом:

– Моя.

Тим рядом с ней встал:

– Наша общая.

А я где стояла, там так и стою, ничего не говорю.

Дядя Витя:

– Защитник? Жених, что ли?

Тим смутился:

– Да нет, так просто... друг.

Дядя Витя:

– И её с собой потащили (показывает на меня). Посмотрите на неё, еле живая. И Ваську мне перепугали до смерти. Вась, Вась, ну всё. Паразиты они.

Потрепал его по загривку, и Васька затих.

– Яблоки, что ли, воровали?

– Зачем они нам? Своих полно, – сказала Томка.

Дядя Витя посмотрел на маленькое зелёное яблоко, валявшееся на полу под окном.

– А это что? Может, Васька принёс?

Васька успокоенно чавкал, уткнувшись пяточком в коры-

то.

– Нечаянно сорвалось, – терпеливо объяснил Тим.

– Ну а тогда какого чёрта?

– Пап, – сказала Томка сердито, – просто мы ходили в КРУГОСАРАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. А Мурин этот нам всё испортил.

– В КРУГОСАРАЙНОЕ? – Дядя Витя посмотрел на нас
незнакомым серьёзным взглядом, как будто вспомнил что-
то далёкое. – До середины, значит, только дошли...

Потом, помолчав, плюнул с досадой себе под ноги:

– Кругосарайное! Мурину этого не понять! Ладно, уж ко-
ли так, будем считать, что проехали.

Двор, школа, двор...

*Старики и мальчишки
Собираются в кланы.
Вечно в ссадинах руки.
С чудесами карманы.*

*И ночами в созвездья
Собираются звёзды.
У стрижей по обрывам
Коммунальные гнёзда.*

*Скопом тучи приходят,
Дождидаясь поры.
Осень, сходятся вместе
Золотые шары.*

*Что бы там ни случилось,
Не «иду со двора».
«Цепи неразрывные» —
Это наша игра!*

Каникулы кончаются. В саду пахнет антоновкой, астрами и чуть подсохшими флоксами. Ещё сладким дымом, с которым улетучивается лето.

Уже через несколько дней астры и флоксы встретятся с

золотыми шарами, растущими в палисаднике у них во дворе.

Двор – и школа. Они неразлучны, соединены кривым рукавом проходного двора. Это и удобно, и не очень. Удобно – можно подольше поспать утром; если что-то забыл из вещей, сбегать на перемене и взять.

Не очень – потому что носишься с мальчишками по дворам, скачешь по гаражам, потом прыгнешь – и окажешься перед самым носом Ульяны Палны, которая считала тебя пай-девочкой и отличницей. И смотрит она на тебя, как на марсианина или чёрта из табакерки. А ты стоишь и молчишь как рыба об лёд. Ну что тут скажешь?

Двор! Проходной, расхристаный, с благородными особенностями и романтичной помойкой – там вечно что-нибудь полыхает или карбид бабахает, доводя до исступления дворничиху тётю Миру. В середине круг, где растут старые яблони и шампиньоны. А ещё секреты разные зарыты.

– Тим, Женька, в ножички будете? – Вовка-толстый.

Пыхтя, чертит ножичком на земле большой круг, начинаем играть. Появляется Костя со своей шпаной, чертят рядом свой круг.

Всё бы ничего, да только кто-нибудь из шпаны нет-нет да и метнёт ножичком в яблоневый ствол (а сами недавно обтрясли все яблони до последнего кислого яблочка).

– Не, всё, Тим, я пошла.

И кто только не проходил через наш двор: кошки, собаки, мальчишки, большая шпана, цыгане, великие люди!

– Смотри, сын Никулина! Ага, с собачкой.

– Видишь? Актриса пошла, ну эта самая, как её? Ну, помнишь, недавно по телику смотрели?

Школа степенная, строгая, из какого-то особенного, шершаво-серого камня. А сбоку к ней чудом притулились палаты семнадцатого века, белые как мел, на башню похожие, с крутой-крутой лестницей.

И всё-таки они (двор и школа) связаны незаметной изнаночной ниточкой. И в школу врывались дворовые вихри и завихрения. Мальчишки отращивали длинные волосы аля хиппи, девчонки укорачивали юбки (хоть и неудобно: ни формулу на коленке не напишешь, ни шпору не спрячешь). На доске прямо перед уроком появлялись словечки с улицы. Например, ПИВО. Дежурные с показным остервенением стирали его с доски, но ПИВО появлялось снова и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.